

Лана
Мейер

ЧАСТЬ 1

Пролог

Мира

Их стоны в нашей спальне оглушают меня, хотя их и едва слышно.

— Да!.. Еще, еще!.. Вот так, сильнее!.. О боже, Майкл! — Без всяких сомнений, до меня доносится голос моей подруги и низкие горловые хрипы мужа.

Он явно старается — доставить ей удовольствие.

Светлый и гладкий паркет, который мы вместе с ним выбирали всего полгода назад, будто испаряется у меня под ногами. Кажется, я вот-вот нарушу все законы физики и провалюсь на пятьдесят этажей вниз, проломлю фундамент одной из башен Москва-Сити.

Так, что там говорят психологи? Эмоции нужно прожить.

Итак, мне больно. Точнее, я заживо сгораю от боли. На смертном одре, который возвел для меня самый близкий и родной человек на свете. По крайней мере, последние десять лет я считала Майкла именно таковым. Быть может, пройдет не больше часа, прежде чем мои внутренности превратятся в пепел и первая волна агонии стихнет.

Каждая новая секунда приносит очередной и мощный удар по сердцу. Серпом, по живому. Орудие убийства — их неистовые крики, эхом бьющиеся в стенах нашей огромной квартиры с панорамными окнами.

Не сомневаюсь, что они делают это в ванной с прекрасным видом на Москву. Майк брал меня там десятки раз,

а теперь... трахает мою подругу, которой я любезно представила крышу над головой в довольно трудный период ее жизни.

Оригинальностью мой гражданский муж не блещет. Они могли бы спуститься в отель, расположенный на первых этажах небоскреба. Но нет — даже в отношении любовницы он проявил характерную для себя скупость.

Хотя, может, страсть накрыла их совершенно внезапно? Впрочем, мне должно быть не интересно, как это произошло.

И во всей этой ситуации вишенкой на торте является тот факт, что я сама — сама! — предложила Алине пожить две недели у нас, пока она не найдет новую квартиру и работу.

И вот итог. Ситуация настолько банальна, что даже смешно. Кажется, что подобное может случиться в тупом сериале, но никак не с тобой! С нами. Жаль, что все это не декорации на съемочной площадке!..

Откупоренная бутылка вина на прозрачном столе. Бананы, шоколад, клубника, почти нетронутый любовниками ужин. Его и ее одежда, разбросанная по полу, хаотичной дорожкой ведущая к дверям ванной.

А из нее до сих пор раздаются многозначительные стоны.

— Еще, милый, да, так!..

— Черт! Черт, в тебе так хорошо, детка. — Осипший от изнеможения голос Майкла разом рвет все мои душевные струны.

Меня сейчас стошнит. Прямо на его брендовые белые кроссы.

— Еще, Майк, еще!.. Да, так, сильнее...

Все внутри леденеет и горит одновременно.

— Нет, еще долго. Я буду трахать тебя, пока не разбудим всех соседей к чертовой матери!..

Его смешок в сочетании со сладким обещанием застревает колким комом в горле.

Моя первая реакция — опереться о стену, о ручку двери или тумбочку, чтобы не упасть. Только бы не потерять

сознание! Вторая — схватить с ближайшего столика вазу с декоративными цветами, ворваться в ванную и обрушить на его голову. Третья, уже реальная — я плачу и всхлипываю, горько подпевая их истошным стонам.

Не знаю, сколько проходит времени.

И вот голубки уже мило воркуют, перешептываются, а я глухо, почти беззвучно реву, давя в себе вскрики и неистовый плач навзрыд. Проглатываю. Раскаленные иглы вонзаются в горло изнутри. Я просто тихо всхлипываю, устало подавляя в себе всплески эмоций и гнева, смахивая беззвучные слезы.

Семь лет!.. Мы вместе семь лет, а знаем друг друга и вовсе десять. С моих пятнадцати. Мы росли вместе — в моральном, физическом, материальном плане. Мы столько всего пережили. Прошли через огонь и воду. Я переехала за ним в Россию из Германии, когда ему предложили работу здесь... Я поменяла всю свою жизнь, подстроилась под него. А в последние годы и вовсе жила мечтой о том, что у нас вот-вот появится ребенок, и наша идеальная жизнь станет еще прекрасней. У нас, конечно, были некоторые проблемы и недопонимания в отношениях, но в целом... мне было грех жаловаться. Майкл — моя первая любовь, мой лучший друг, мой мужчина. Какие бы проблемы нас ни коснулись, я всегда верила: мы созданы друг для друга.

Как же я ошибалась! Сейчас от нашей идиллии остался лишь слабый след в виде отфотошопленных совместных фотографий в социальных сетях.

Слышу, как в ванной включается вода. Они хотят помыться после своих любовных утех. А с меня, с меня эту их грязь и Ниагарским водопадом не смыть.

Вытерев слезы рукавом блузки, наверняка размазав косметику по лицу, молча достаю большой чемодан, с которым мы ездили в отпуск, и скидываю туда все свои вещи из нашей гардеробной. Остервенело швыряю их без разбора. Разноцветные клубки ткани стремительно летят в бездон-

ное пластмассовое чрево. Свою косметику заберу из ванной как-нибудь потом.

Мой план — молча уйти, заблокировать его во всех социальных сетях и больше никогда не видеть.

Хотя, конечно, втайне я мечтаю о том, чтобы он бегал за мной по всей Москве, на коленях умолял простить его и скидывал бы мне деньги на карточку — ведь это останется его единственно возможным способом что-либо написать мне.

Когда я уже почти застегиваю чемодан и мысленно проклиная себя и этих двоих, задыхаясь от обиды и боли, горячая парочка выходит из своего убежища, пропитанного изменой и грехопадением.

— О черт!.. — выдыхает Майкл.

Я невольно вскидываю голову. Наши взгляды сталкиваются, едва не высекая электрические искры. Мой — воинственный и полный горечи, его — растерянный, удовлетворенный и... ни разу не расквашивающийся!..

Время для меня замирает, когда я будто заново изучаю черты лица своего мужа. Легкую щетину и искусанные не мной губы. Много бы отдала за то, чтобы так и не смытые неряшливые следы от красной помады на его теле оказались настоящими кровавыми ранами. Его челюсть напрягается, изумрудные глаза темнеют, пока Алина инстинктивно прячется за его широкой спиной, явно побаиваясь того, что я все-таки осуществлю свою тайную задумку с вазой.

— Ой, Мира... — инстинктивно срывается с ее губ, из-за переизбытка гиалауронки больше напоминающих рыбий рот. — Ты была тут все это время?

Какой глупый вопрос! Идиотка!..

Расправляю плечи, пытливым взглядом продолжая высверливать на обнаженном теле мужа стигматы. Бедрa Майкла обернуты полотенцем. Он явно собирался скинуть его в нашей спальне, рассчитывая на вторую часть горячего randevу.

Я медленно преодолеваю расстояние между нами, поравнявшись со столом, где до сих пор остывает ужин застывших голубков. Медленно наливаю красное вино в пустой бокал и, пригубив терпкий напиток, продолжаю просто смотреть на Майкла, не в силах поверить в то, что все это — не сюрреалистический сон.

Хотелось бы, черт подери, просто проснуться. С криком, в холодном поту. Крепко обнять своего мужчину и получить законную долю поцелуев и признаний в том, что он никогда меня не предаст.

Но это уже случилось. И теперь, когда с моих глаз сняты розовые очки, я уже сомневаюсь в том, что это происходит впервые.

— Мира, все это... Ты можешь не так все понять. Давай успокоимся, хорошо? Поговорим. Это ошибка, детка. Ужасная ошибка, и я должен объяснить тебе, почему это произошло...

Он еще оправдывается!

— Алина пока погуляет. Да, Лина? — обращается к моей бывшей подруге Майкл.

Не дожидаясь ответа этой блондинистой крысы, я с болезненным облегчением выплескиваю содержимое бокала в лицо Майклу.

Муж инстинктивно дергается, делает шаг назад и изо всех сил жмурится. Лицо у него такое, словно его заставили сожрать целый лимон. Смотри не подавись, милый!..

Кто бы мог подумать!.. Майкл Фальк, топ-менеджер крупной нефтяной компании, подставил свой смазливый фейс под винный обстрел.

Все его подчиненные сейчас наверняка искренне поблагодарили бы меня.

— Ты что творишь?! — рычит он, хватая меня за запястья.

Сжимает их, заламывает. Буравит меня бешеным взглядом, словно вот-вот ударит на глазах у Алины.

Нас обоих начинает трясти от гнева и ярости. Хотя злиться и истерить здесь явно должна только я.

— То, что я давно должна была сделать, — выплевываю горькую правду прямо ему в лицо.

И это действительно так. Наша с Майклом жизнь только казалась идеальной. Ведь если посмотреть правде в глаза...

За столько лет совместной жизни, он так и не сделал мне предложение. Он часто скуп не только на слова и на выражение чувств, но и в материальном плане, несмотря на то, что зарабатывает баснословные деньги. Он часто бросал мне легкие и ненавязчивые замечания по поводу моей фигуры или внешнего вида. Особенно это началось после переезда в Москву. Майклу вдруг стало важно, что о нем думают или говорят другие. В том числе о его женщине. И я, сильно отличающаяся от московских красоток, явно не была предметом зависти для его нового окружения.

Как уныло, как казенно звучит: предмет зависти... Предмет!.. Как строчка из описи... Подумать только! Я давно в этой квартире часть интерьера, а не любимая женщина.

Испепеляю Майкла взглядом и перевожу его на Алину...

А вот моя бывшая подруга — девочка с картинки. Упругий зад, подтянутый плоский живот, сделанная грудь, наращённые волосы. На зубах — белоснежные виниры, которыми одарил ее бывший. Тело девушки близко к идеалу.

А у меня... Плоская попа, сколько бы я ее ни качала, парочка лишних килограммов в запасе и никакого тонуса. Вставить себе импланты я никогда не решусь, а наращивание волос считаю совсем уж диким занятием.

При всем этом я никогда не думала, что модельная внешность подруги может представлять такую опасность.

Мне казалось, Майкла все устраивает. Он любит меня такой, какая я есть. Я думала, что естественная красота и неидеальность — мои достоинства.

— Почему? — шепчу одними губами, пытаюсь не обращать внимания на то, как печет от соли глаза.

Майк медленно пожимает плечами, продолжая сжимать мои запястья. В его глазах читается то, что я меньше всего хочу сейчас видеть. Простая, но до боли разрушительная фраза: «Ты же все равно от меня не уйдешь, ты простишь...»

— Всего хорошего, — медленно проговариваю я, выдергиваю ладони из рук Майкла. — Вам обоим.

Я бросаю уничтожающий взгляд на Алину, нервно кусающую губы. Выражение лица у нее действительно виноватое, но это едва ли способно сохранить нашу дружбу.

— Прости, Мира. Я... Нас словно накрыло, мы не хотели...

Слышала я, как вы не хотели. Лучше заткнись, идиотка!.. Пока я твою искусственную гриву не выдернула.

Резко выдвигаю ручку из чемодана и уверенным шагом направляюсь к выходу.

— Мира, ты не понимаешь. Мира... — начинает оправдываться Майкл, цедя сквозь зубы ругательства на немецком.

Я слышу, что он идет прямо за мной, ускоряет шаг. Но недостаточно быстро, чтобы поймать меня, остановить. Скорее всего — только делает вид, что ему не плевать.

Успеваю скрыться в лифте, пчусь. Как только стальные двери закрываются, я ударяюсь затылком о зеркало на противоположной стене кабинки и стремительно съезжаю по гладкой поверхности вниз. Падаю прямо на пол и начинаю рыдать в голос. Плевать на установленную здесь камеру!..

На одном из этажей дверь открывается, и я понимаю, что некто невольно становится свидетелем моей неконтролируемой истерики.

Запах собачьей шерсти ударяет в ноздри.

— С вами все в порядке? — интересуется один из соседей по башне.

— У меня все прекрасно, — захлебываясь слезами и закрывая лицо руками, с надрывом лепечу я.

В груди жжет, горло стягивает тугим жгутом. Задыхаюсь. Умираю. Кажется, что жизнь потеряла смысл. Я раздавлена, унижена, ранена, обескровлена, убита... Дно пробито.

— Оставьте меня в покое! — рывкаю я, прежде чем незнакомец успевает ляпнуть что-то еще.

Его собака настойчиво и шумно обнюхивает меня, лижет ладони. Закрываюсь и от нее, сворачиваясь в позу эмбриона прямо на полу лифта. Хочется растечься здесь чертовой лужицей, испариться, исчезнуть с лица земли...

Десять минут я бесцельно брожу по подземному переходу. Вырвавшись наружу и глотнув свежего воздуха, теряюсь в безликой толпе, бросая презрительный взгляд в сторону Москва-Сити.

И черт меня дернул поехать в Питер на курс обучения! К сожалению для Майкла и, как выяснилось, для меня, курс закончился на день раньше, и я вернулась, потому что очень соскучилась... Может быть, этого не случилось бы, если бы я не поторопилась?

Не будь такой наивной. Ты же знаешь, что, возможно, это произошло не впервые.

В очередной раз шмыгнув носом, я захожу в ближайшую кофейню. Мне нужно спрятаться в месте, где будет стыдно плакать, иначе я надорву голос и легкие. Выбираю в уютном пространстве самый дальний и тихий закуток, предварительно заказав какао с маршмеллоу, латте и два шоколадных десерта.

Кажется, что успокоить сейчас меня может только огромное количество сахара, которое непременно отложится на моих бедрах. Еще чуть-чуть, и меня разнесет до размера L, но об этом я подумаю завтра.

А сейчас... Меня зовут Мира, мне двадцать пять лет. Я отсиживаю свою пятую точку на нелюбимой работе, с девяти до шести — как положено. Каждый понедельник сажусь на диету, каждое воскресенье обещаю себе, что займусь спортом. Запишусь в бассейн, на танцы и выучу еще два языка.

Все это благополучно откладываю, ссылаясь на нехватку времени. Кручусь перед зеркалом и думаю, что и так сойдет, а потом вновь начинаю гнаться за недостижимым идеалом.

Отношения с Майклом — были единственной нерушимой скалой в моей жизни. Твердой опорой. Идеальным якорем.

Меня зовут Мира, мне двадцать пять лет. Сегодня тридцать сентября две тысячи восемнадцатого года — день, когда моя жизнь стремительно пошла ко дну. В ней больше нет стабильности, безопасности, четкого будущего. Больше нет опоры, поддержки и уверенности в том, что я не одинока. В моей жизни больше нет моего мужчины.

Пройдет как минимум три года, прежде чем я пойму, что это не конец света.

А сейчас я давлюсь своим латте и не могу выкинуть из головы мысли о том, что я навсегда осталась одна. Без крыши над головой. Без работы и денег. Без любимого мужчины и близкого человека, который наверняка только что трахнул мою подружку на нашей постели.

Глава 1

Три года спустя. 31 декабря 2021 года

Стейн: *Я чертовски хочу увидеть тебя, детка. У тебя правда нет возможности прилететь в Дубай?*

Кхм... Скажем так, возможности моего банковского счета весьма ограничены. Особенно учитывая космические цены в Дубае. Хотя мне определенно хочется все бросить, расстаться с московской хмуростью и двадцатиградусным морозом, взять билет на самолет.

Желательно в один конец.

И чертовски привлекательный бельгиец Стейн, с которым я две недели назад познакомилась в приложении «Тиндер», не спешит предложить мне оплатить билеты.

Хотя, может, это и к лучшему. Если лететь в отпуск, то только как сильная и независимая женщина, какой я пытаюсь быть последние три года. Не хочу быть ему чем-либо обязанной и все такое. Да, у меня в голове есть эта страшная установка, которая буквально кричит о том, что если парень оплатил мой счет, то мне будет труднее отказать ему в сексе на первом свидании. Может, поэтому я и не хожу на свидания?

Скоро будет чуть больше трех лет моему одиночеству. И да, вы не ослышались, я уже дошла до такой степени внутреннего отчаяния, что скачала себе этот чертов «Тиндер». Скажу больше: в полночь, когда куранты объявят о наступлении нового года, я собираюсь загадать желание, написать, сжечь, пепел размешать в бокале шампанского и выпить, как полагается. Если честно, никогда не занималась подобной дурью. Но сейчас... Кажется, что я готова загадывать лишь одно желание, при любой удобной возможности. Хочу я банальной и простой вещи, без которой погибают даже самые сильные и независимые женщины, — любви. Такой, чтобы дух захватывало. Такой, чтобы закон притяжения в одночасье перестал действовать. Такой, чтобы сердце с каждым ударом трепетало и вибрировало. Упасть в чувства... Чтобы наконец почувствовать себя живой. Нужной, желанной, необходимой. После трех лет полнейшей засухи... Во всех смыслах! Я уже и не верю, что когда-нибудь снова испытаю это чувство.

Мира: *У меня так много работы, пока не знаю. Но я бы очень хотела увидеть тебя тоже. Хотя понимаю, что московский мороз звучит куда менее соблазнительно, чем море и жаркое солнце пустыни...*

Стейн: *Было бы здорово, если бы ты приехала! В середине месяца я переезжаю в Дубай на два года. Я планирую купить себе Audi R8 в первую же неделю пребывания там. Мы могли бы прокатиться вместе... Ну как, детка? Тебе еще нужны причины, для того чтобы просто взять и подвинуть свою работу? (подмигивает)*

Мое лицо расплывается в глупой и широкой улыбке. Каждый раз, когда я смотрю на фотографию его профиля, у меня во рту образуется безбожная засуха.

Он привлекателен, слов нет. Меня всегда цеплял подобный типаж мужчин — маскулинные черты лица, аккуратная щетина, светлые глаза вкупе с танцующими за их гладью дьяволами порождают самые бурные фантазии. Кажется, я настолько оголодала, что способна кончить от одного лишь голоса. Он у Стейна бархатистый, глубокий, пряный и обволакивающий, словно глоток глинтвейна в морозный вечер.

Ну, и конечно, он богат и успешен. Говорит цитатами из книг по саморазвитию и стремится к своим целям, как ракета, стартанувшая в космос.

Конечно, такие мужчины возбуждают, будоражат разум. Опять же надо учитывать тот факт, что в Москве я не встречала подобных три года.

Я закрылась, ушла в панцирь. Заблокировала женственность, сексуальность, нежность, превратившись в вечно пашущий и выживающий механизм, еле-еле сводящий концы с концами.

Может быть, поэтому я так легко влюбилась на расстоянии. А ведь действительно, я чувствую влюбленность. Впервые за долгое время. Как это еще назвать, когда все грустные песни по радио вдруг обретают смысл?

Достаточно ли я безумна, чтобы поменять свои планы из-за мужчины? Сдать билет на Бали, где планировала провести свой двухнедельный отпуск, и рвануть в Дубай?

Сказочный индонезийский остров манил меня еще с прошлой осени, но из-за пандемии пришлось сдвинуть ретрит на Бали и провести лето частично в Москве, частично в Германии. В Гамбурге у меня живут мама и отчим. В России — отец и его семья. С Майклом я познакомилась в Германии, но и он после окончания института переехал в Москву, так как с его дипломом ему предложили здесь такую должность, о которой в Германии он мог бы только мечтать.